

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И КОЛХОЗНАЯ СИСТЕМА В СССР В 1944 – НАЧАЛЕ 1945 г.¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность избранной темы определяется необходимостью изучения исторического опыта мобилизационной экономики в СССР в условиях Великой Отечественной войны. Цель исследования – комплексный анализ трансформации инструментов и содержания аграрной политики советского руководства в 1944–1945 гг.

Материалы и методы. В статье анализируются архивные материалы и результаты исследований колхозной системы в отечественной историографии. Корпус источников формирует делопроизводственная документация Народно-го комиссариата земледелия СССР (Минсельхоз СССР), местных органов власти, нормативно-правовые акты, периодическая печать. Методология исследования построена на принципах системного подхода к рассмотрению вопросов истории государственного управления и экономической политики периода Великой Отечественной войны. В этом ключе решение исследовательской задачи предполагает рассмотрение факторов, ресурсов и форм управленческих практик, компенсационных механизмов, пределов функционирования и возможностей для трансформации.

Результаты. В результате применения системного подхода выявлены особенности развития аграрной политики советского государства на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Описаны условия функционирования мобилизационной системы, адаптационные механизмы, практики управления колхозной деревней. Дана оценка эффективности деятельности колхозной системы в период 1944–1945 гг.

Выводы. Анализ управленческих практик и состояния колхозной системы на первом этапе войны обнаружил пределы использования мобилизационной модели. В экстремальных условиях военной повседневности возможностей для восполнения ресурсов советской деревни практически не осталось. Окончательный перелом в войне позволил советскому руководству изменить основной вектор аграрной политики с военного на инвестиционный. В сфере приоритетов оказалось использование элементов рыночной экономики и научной организации труда, что позволило добиться относительной стабилизации аграрного сектора экономики.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мобилизационная экономика, аграрная политика, колхозная система, факторы социально-экономической адаптации.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-09-00125\18) «Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-е – начале 1950-х гг.».

© Сухова О. А., Ягов О. В., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

MOBILIZATION ECONOMY AND COLLECTIVE SYSTEM IN THE USSR IN 1944 – BEGINNING 1945

Abstract.

Background. The relevance of the chosen topic is determined by the need to study the historical experience of the mobilization economy in the USSR during the great Patriotic war. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the transformation of the tools and content of the Soviet leadership agricultural policy in 1944–1945.

Materials and methods. The article analyzes archival materials and research results of the collective farm system in Russian historiography. The corpus of sources is formed by the office documentation of the Popular Commissariat of agriculture of the USSR (USSR Ministry of agriculture), local authorities, regulations, periodicals. The research methodology is based on the principles of a systematic approach to the consideration of issues of the public administration history and economic policy during the Great Patriotic war. In this context, the solution of the research problem involves consideration of factors, resources and forms of management practices, compensation mechanisms, limits of functioning and opportunities for transformation.

Results. As a result of applying a systematic approach, the features of the development of the Soviet state agricultural policy at the final stage of the Great Patriotic war were revealed. The conditions of the mobilization system functioning, adaptation mechanisms, and management practices of the collective farm village were described. The efficiency of the collective farm system in the period of 1944–1945 was evaluated.

Conclusions. Analysis of management practices and the state of the collective farm system at the first stage of the war revealed the limits of using the mobilization model. There are practically no opportunities to refill the resources of the Soviet village in the extreme conditions of military everyday life. The final turning point in the war allowed the Soviet leadership to change the main vector of agricultural policy from military to investment. The use of elements of the market economy and scientific organization of labor turned out to be among the priorities, which made it possible to achieve relative stabilization of the agricultural sector of the economy.

Keywords: Great Patriotic War, mobilization economy, agricultural policy, collective farm system, factors of socio-economic adaptation.

Задачи завершения перехода к обществу модерна в российской истории в эпоху Интербеллума вызвали к жизни сложную систему чередования военно-мобилизационной и инвестиционно-мобилизационной моделей управления аграрным сектором экономики. Анализируя экономическую политику межвоенного периода, исследователи отмечают смену приоритетов к началу 1930-х гг., когда приоритетным направлением становится безудержная инвестиционная экспансия государственного предпринимательства [1, с. 374, 375]. Трансформация мобилизационной стратегии привела к огосударствлению сельского хозяйства, созданию системы принудительного изъятия значительной части сельскохозяйственного дохода и снижению оплаты труда [2, с. 84].

В условиях начала германской агрессии не трудно предположить развитие обратной тенденции. Возвращение к военно-мобилизационной стратегии предопределило изменение целей развития колхозной экономики, важ-

нейшей из которых становится обеспечение фронта всем необходимым. Проблемы аграрного сектора смещаются на периферию внимания советского руководства. Так, анализируя картотеку протоколов ГКО за 1941–1945 гг., В. В. Кондрашин обратил внимание на почти полное отсутствие вопросов, относившихся к сельскому хозяйству в повестке дня высшего органа управления страны. Аграрная тематика упоминалась только в связи со снабжением Красной армии [3, с. 293]. Проблемы резкого сокращения трудовых и продовольственных ресурсов из-за проведения мобилизационных кампаний и потери хлебородных территорий на юго-западе СССР вследствие военных действий и оккупации решались простым перераспределением государственных потребностей на наличное население колхозов и единоличных хозяйств.

Уже в начале 1943 г. советское руководство столкнулось с проблемой истощения ресурсов колхозной деревни. Расчеты трудонапряженности в преддверии весеннего сева показали, что выполнить плановые задания, особенно в Сибири, не удастся. Было очевидным, что из-за недостатка рабочей силы качество обработки почвы существенно ухудшится. В этих условиях Наркомзем сознательно ориентировал артели на упрощенные приемы агротехники: по сути, колхозам предлагалось возродить архаичные практики: мелкая пахота, культивация вместо вспашки, посевы по стерне, ручную и пр. В этом отношении деревня была отброшена на столетия назад, к традициям двухпольного севооборота. Как средство сохранения объемов производства сельскохозяйственной продукции рекомендовалось использовать залежные и переложные земли вместо выпашанной пашни [4, с. 215]. Результатом максимальной мобилизационной напряженности и агрономической деградации становится снижение урожайности зерновых: с 7 ц в 1941 г. до 3,9 ц (самый низкий показатель за годы войны) в 1943 г. [4, с. 216]. Во многих отношениях единственным спасением деревни стало расширение посевов картофеля и овощей. В 1943 г. посевные площади под этими культурами возросли на 40 %. В целом же валовой сбор хлеба в 1943 г. остался на уровне предыдущего года и составлял менее трети от довоенного уровня [4, с. 216, 217].

Некоторые регионы оказались в состоянии острейшего кризиса. Так, оценивая положение дел в сельском хозяйстве Куйбышевской области, заместитель наркома земледелия СССР И. А. Бенедиктов в феврале 1944 г. сделал неутешительный вывод: «каждый 8-й колхозник не вырабатывал минимума трудодней, каждая четвертая лошадь падала, каждая 5-я овца дохла, каждый 5-й трактор был неисправным» [3, с. 293]. На примере развития основных отраслей сельского хозяйства Сибири кризисное состояние аграрного сектора описал Л. Н. Ульянов [5].

Обвальное сокращение кормовой базы (за годы войны посевы кормовых культур во всех категориях хозяйств сократились с 18 млн до 10 млн га) привело к массовому падежу и забою скота [4, с. 216, 217]. Низкая эффективность мобилизационной стратегии проявилась и в практике госпоставок продукции животноводства. Безусловно, на существенное сокращение поголовья скота в годы войны влияло много факторов: ухудшение кормовой базы, плохое содержание и уход, чрезмерные планы мясopоставок, но помимо этого следует учесть и широко распространенную практику сдачи мяса в счет зерновых культур, сена, картофеля, овощей и т.д. Руководство колхозов расплачивалось скотом за семена, платежи и пр. [5, с. 34].

При этом основным ресурсом для сохранения общественного производства во многих отношениях оставалось личное подсобное хозяйство колхозников. Так, при нехватке кормов скот раздавали на сохранение в крестьянские подворья, хотя и здесь за годы войны численность животных сократилась на треть [4, с. 217]. Недостаток семян также покрывался за счет изъятия из личных запасов колхозников. Сушили собранное зерно нередко опять же в печах домов колхозников. Осенью 1943 г. широко распространилась практика продажи зерна государству из личных подсобных хозяйств, что свидетельствует о появлении значительного зернового клина в структуре маленького клочка усадебной земли. Так, 25 ноября 1943 г. газета «Правда» рапортовала о том, что колхозы Чувашии завершили государственные поставки и начали продажу хлеба государству. Председатель колхоза имени Буденного Комсомольского района Краснов и мастер комбайновой уборки Ибресинской МТС Маркианов из личных запасов продали по 100 пудов хлеба. Председатель колхоза «Марс» Яльчиковского района Гаязов, внесший в 1942 г. на строительство танков 105 тыс. руб., продал государству 50 пудов зерна [6]. Пастух колхоза «Броневики» Больше-Мурашкинского района Горьковской области С. Е. Перевалов продал государству из своего личного запаса 180 пудов зерна. Только за последнюю неделю ноября 1943 г. колхозники Горьковской области продали государству 4 млн пудов хлеба [7].

Расширение посевов зерновых на приусадебных участках колхозников было вызвано также сокращением выдачи зерна на трудодни. В 1944 и 1945 г. эти посевы составляли в целом по СССР около 1,5 млн га. Так, в Куйбышевской области за годы войны посевы зерновых культур на приусадебных участках увеличились более чем в пять раз: в 1940 г. из 40 412 га посевов 2340 га зерновых приходилось на приусадебные участки, а в 1945 г. из 46 217 – 12 542 га соответственно (в 1945 г. колхозники вырастили в своих хозяйствах не менее 125 тыс. ц, урожайность зерновых составила 10 ц с га) [8, л. 15, 16].

Одним из главных факторов деградации советской деревни в период военного лихолетья выступали регулярные мобилизационные кампании в РККА, в промышленность, школы ФЗО и ремесленные училища. Так, только в Свердловской области, по состоянию на 5 декабря 1943 г., было мобилизовано на постоянную работу в промышленность 40 600 человек, на сезонную (лесозаготовки) 13 600 человек. При этом численность трудоспособного сельского населения с учетом детского возраста от 12 до 15 лет сократилась до 213 400 человек, что создавало реальную угрозу для сохранения жизнеспособности хозяйств региона. Для проведения весеннего сева 1944 г. требовалось 175 000 человек, а задания по мобилизации на 1943 г. были установлены в 83 тыс. человек. Понимание всей остроты ситуации вынудило региональные власти обратиться с просьбой о прекращении мобилизации рабочей силы из колхозов в ЦК ВКП(б) в декабре 1943 г. [9, с. 402, 403]. Но только 4 мая 1944 г. ГКО принимает соответствующее постановление в отношении Свердловской, Молотовской, Челябинской, Курганской областей: трудовая мобилизация, за исключением призыва сельской молодежи в школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища, прекращалась с июня 1944 г. [9, с. 403]. Отметим, что в 1943 г. Свердловская область выполнила план хлебозаготовок только на 58,4 %, закупок – на 18 % и сдачи хлеба авансом в счет 1944 г. – на 28,6 %. Провал хлебозаготовительной

кампании обернулся принятием специального постановления ЦК ВКП(б) «О ходе хлебозаготовок по Свердловской области» 24 декабря 1943 г.: партийное руководство потребовало обеспечить «решительный перелом в сдаче хлеба» и заявило о недопустимости в дальнейшем «повторного отставания области в деле хлебопоставок» [9, с. 403, 404].

Не меньшим по значению фактором становится деиндустриализация сельского хозяйства и сокращение живой тягловой силы. В особо трудном положении оказались регионы Сибири. Здесь, по словам Л. Н. Ульянова, аграрный сектор был механизирован в большей степени, по сравнению с другими регионами, и, напротив, лошадей в расчете на полевые работы имелось здесь меньшее количество. В итоге при мобилизации существенного количества тракторов и автомобилей в РККА нагрузка на живую тягловую силу здесь возросла многократно: «МТС и колхозы Западной Сибири только за второе полугодие 1941 г. направили на фронт тысячи тракторов общей мощностью свыше 103 тыс. л.с., около 11 тыс. грузовых автомобилей (почти 93 % колхозного автопарка), более 202 тыс. лошадей (24 % всего поголовья)». К концу войны количество лошадей в колхозах и совхозах Сибири сократилось в 2–3 раза, многие из оставшихся животных были истощены или больны [5, с. 28].

Достигнутый перелом в положении дел на фронтах Великой Отечественной войны позволил советскому руководству изменить приоритеты. Основными акцентами повестки дня становятся вопросы логистики и научной организации труда. Так, в подобном ключе был выстроен доклад начальника организационно-колхозного отдела Наркомзема Башкирской АССР Медведевой, вынесенный на обсуждение в июле 1944 г. По словам докладчика, положительной тенденцией 1943 г. являлось увеличение численности полеводческих бригад по сравнению с 1942 г. Выделенные бригады полеводческих бригад имелись во всех колхозах. Из общего количества бригадиров в 11 213 человек 4128 бригадиров занимали эту должность менее года, 2479 – свыше 3 лет. Женщины возглавляли 3964 полеводческие бригады [10, л. 7]. В первой половине 1944 г. были организованы краткосрочные курсы, на которых повысить свою квалификацию смогли 3587 бригадиров полеводческих бригад, бригадиров по кок-сагызу – 202 человека, звеньевых – 6013 человек, в том числе по кок-сагызу – 692 человека, по сахарной свекле – 895 человек [10, л. 7].

В числе «особо положительных организационных мероприятий в колхозах республики» в 1943 и 1944 г. было отмечено широкое применение индивидуальной сдельщины в порядке установления объемных сезонных заданий. Как отметила Медведева, эта форма организации работ в Илишевском, Краснокамском, Дюртюлинском и других районах повысила производительность труда и ускорила проведение сельскохозяйственных работ: «Благодаря применению индивидуальной сдельщины многие колхозы провели уборку в сжатые сроки. Колхоз имени Крупской Илишевского района всю площадь ранних зерновых убрал в 16 рабочих дней, колхоз “Александровка” – в 15 дней и т.д. Колхозники, работавшие на закрепленных за ними участках, не считались со временем, работали по 16–17 ч, стараясь скорее закончить уборку, многие колхозники выполняли нормы в 200–300 %. *Индивидуальная сдельщина широко применялась на обработке почвы, посеве и др. работах*

(этот фрагмент выделен на полях в документе – прим. О. С.). Отсюда эта форма организации труда может быть широко применена на всех видах сельскохозяйственных работ» [10, л. 6].

Между тем в ходе прений по докладу Медведевой в Наркомземе выяснилось, что «в Башкирии мы имеем исключительную запущенность в организационно-колхозном отделе» и что Башкирская республика находится «в числе наиболее отстающих» [10, л. 20]. Основной претензией к руководству организационно-колхозного отдела Наркомзема Башкирской АССР стала недооценка необходимости организации звеньевой системы, саботаж директивы главы Наркомзема А. А. Андреева, направленной в колхозы весной 1944 г.: «Звенья организованы во всех колхозах, а когда приедешь в колхоз, то в самих колхозах звеньев не существует и председатель колхоза прямо заявляет: “Видите ли товарищи, мы не совсем верим в звенья, поэтому бригада должна сама отвечать за работу”» [10, л. 19 об.]. Неправильно организован учет труда звеньевых. Так, в колхозе 12 Октябрь Бирского района во втором звене третьей бригады Анисья Колоколова в колхозе выработала 238 трудодней, в звене ни одного, а числится звеньевой. Тем самым звенья создавались в бригаде, а потом на другой день перебрасывались на другую работу не только члены звена, но и звеньевые. Хотя в республике имелись хорошие примеры работы звеньев, например в Дюртюлинском районе, где звенья были созданы еще в 1938 г. Такие хозяйства демонстрировали более высокую производительность труда, что позволяло начислять большую оплату по трудодням [10, л. 18].

Истощение и без того скудных ресурсов советской деревни к концу 1943 г. для сельского населения обернулось серьезными продовольственными трудностями и неминуемо спровоцировало рост масштабов хищения артельного хлеба и, соответственно, сокращение государственных поставок. В традициях мобилизационной модели прогнозировали ужесточение и тиражирование надзорных функций. На практике это проявилось в создании дополнительных периметров контроля, в подключении административных структур, не связанных непосредственно с уголовным преследованием. Так, 16 ноября 1943 г. наркомземы республик, начальники краевых и областных земельных отделов получили директиву с требованием обязать районные земельные отделы организовать «систематический контроль за состоянием учета, хранения, а также за использованием хлеба и других сельскохозяйственных продуктов колхозов, обеспечив тщательную охрану продукции колхозов в поле, на токах и в амбарах». Еще одной функциональной обязанностью земельных отделов становится непосредственное взаимодействие с администрацией колхозов в целях организации подбора «проверенных кадров кладовщиков, весовщиков, возчиков хлеба и сторожей» [11, л. 112]. Эффективность принятых решений представляется весьма сомнительной, но перечень административных ресурсов кризисного менеджмента, по-видимому, был уже окончательно исчерпан.

В этих условиях принятие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 марта 1944 г. «О государственном плане развития сельского хозяйства на 1944 год» [12, с. 186–202] стало отражением общих тенденций в развитии кризисного менеджмента мобилизационной экономики. В преамбуле документа после привычных дифирамбов в адрес экономической модели («обес-

печили без серьезных перебоев снабжение Красной армии и населения») были обозначены новые слабые места в развитии аграрного сектора: снижение уровня механизации и упрощение агротехники полевых работ и ухудшение ухода за посевами [12, с. 187]. И хотя механизмы исправления ситуации остались неизменными («обязать местные партийные, советские и земельные органы, агроперсонал, правления колхозов, директоров МТС и совхозов обеспечить в 1944 году...») [12, с. 191], показателен переход от политики прямого хищнического изъятия ресурсов из деревни к научно обоснованным практикам повышения урожайности, внедрению более эффективных логистических приемов (так, размещение сельскохозяйственных культур ставилось в зависимость от введенных севооборотов, «с учетом наличия рабочей силы и тягла, почвенных и климатических условий с тем, чтобы правильное размещение сельскохозяйственных культур способствовало максимальному повышению урожайности этих культур и ликвидации дальних перевозок малотранспортабельной продукции») [12, с. 189].

Вопросы организации хозяйства в военное время, организации оплаты труда, взаимодействия с районными земельными отделами стали предметом обсуждения совещания председателей, бригадиров и звеньевых колхозов при Наркоме Земледелия СССР 16–18 января 1945 г. Примечательно, что общим лейтмотивом выступлений передовиков колхозного производства стал тезис о звеньевой организации как средстве роста производительности труда, основанного на принципе материальной заинтересованности. И, напротив, представители колхозной администрации выражали скепсис относительно эффективности оплаты труда по трудодням. В частности, председатель колхоза имени Кирова Горьковской области Глебов отчитался о росте числа выработанных трудодней (в среднем в 1940 г. на каждого трудоспособного приходилось 239 трудодней, в 1944 г. – 363). Выросла за этот период и урожайность зерновых: с 14,72 ц в 1940 г. до 16,2 ц, картофеля – с 82,5 до 97 ц. Таких показателей хозяйство достигло в условиях существенного сокращения трудовых ресурсов деревни: в 1940 г. трудоспособных членов колхоза насчитывалось 758 человек, в 1944 г. – 401, подростков трудилось 86 и 128, стариков 57 и 104 соответственно. Основными факторами успеха Глебов назвал формирование постоянных звеньев и применение индивидуальной сдельщины (всего в колхозе насчитывалось 10 бригад (9 – в сфере растениеводства и 1 – в животноводстве, в среднем в бригаде работало 40 человек, объединенных в 20 звеньев; звеньевая система в артели действовала с 1938 г.): «Начиная с 1939 г., мы проводим индивидуальную сдельщину на овощных культурах, картофеле и зерне, на время проведения отдельных работ и только по луку-репке и луку-севку проводили индивидуальные закрепления участков на весь год и производили учет урожая отдельно от каждого колхозника. Дополнительно выдавалась оплата натурой и деньгами. Только зерна было выдано в 1941 г. 120 ц, в 1942 г. – 38 ц, 1943 г. – 107 ц [13, л. 6–10].

Новая система оплаты труда превзошла все ожидания: «Были закреплены участки за звеньями и в звеньях – за колхозниками. В 1944 году закрепление проведено нами по всем 10 культурам, из них девять – по овощным и один по картофелю всего на площади 234,04 га. К каждому звену прикрепили троих коневозчиков, которые выполняли все конные работы на посевах. Выдали колхозникам на руки расчетные книжки, указав в них площадь куль-

туры, урожай по плану и количество трудодней, подлежащих начислению» [13, л. 15]. К концу войны наметился «большой производственный подъем», каждый стал думать об урожае, об удобрении полей, стали обращаться за советом к агроному, стали лучше использовать рабочее время, не требовать дополнительного начисления трудодней, сократились потери при уборке и пр. Как отметил Глебов, «устраняя уравниловку в оплате труда – система оплаты труда с центнера полученного урожая создает материальную заинтересованность в труде честно работающих колхозников». Колхозники «в один голос говорили, что для них лучше дополнительная оплата, чем трудодни» [13, л. 23–25].

По словам председателя колхоза «Искра» Белоглазовского района Алтайского края Ефремова, кризисная ситуация сохранялась в артели на протяжении 1942–1944 гг.: «Колхозники хотели куда-то спастись в другие колхозы, а то жить нечем», «Женщины плакали, все было, нельзя было заезжать в деревню. Все переживали». К числу острых противоречий колхозной повседневности Ефремов отнес отсутствие возможности повлиять на мотивацию работников МТС и низкое качество работ («О трактористах»: «...а мне что, я получу свои 3 кг на трудодень. Может вам ничего не достанется, а мы все равно получим» [13, л. 174]), а также зависимость оплаты труда каждого звена от выполнения колхозом плана госзакупок («Звено получает высокий урожай – 25–35 ц, а колхоз план не выполнил, и премии-надбавки нет») [13, л. 175]. Базовыми, таким образом, становятся идеи материальной заинтересованности колхозников и применения современных агротехнологий. Так, Ефремов в своем выступлении приводит срез коллективного мнения колхозников: «Они говорят, что надо всех заставлять работать и всю землю обрабатывать хорошо... Или так: давайте всю площадь разбивать на звенья, чтобы все были заинтересованы, как было до войны, тогда все будут заинтересованы получить урожай и получить доплату» [13, л. 175].

Колоссальное напряжение всех ресурсов советской деревни в период военного лихолетья, ограничение внутреннего потребления, патриотические установки массового сознания, многообразие форм и практик прямого кризисного управления в рамках мобилизационной модели позволили обеспечить рост товарности сельского хозяйства и необходимый уровень продовольственной и сырьевой безопасности страны. Как отмечает Л. Н. Ульянов, «За годы войны только Алтай дал стране 158,7 млн пуд. хлеба, 9,4 млн пуд. мяса, 9,9 млн пуд. картофеля и овощей, 2,2 млн пуд. животного масла, более 3 млн пуд. сахара и другую продукцию. Красноярский край, Омская, Тюменская, Новосибирская, Томская, Читинская области, вместе взятые, за годы войны дали государству 364 млн пуд. хлеба, 29 млн пуд. мяса, большое количество другой животноводческой продукции» [5, с. 37].

За период с 1941 по 1944 г. колхозное крестьянство заготовило для страны 3536 млн пуд. зерна (общие же объемы заготовок составили 4264 млн пуд.), в то время как в период предыдущей мировой войны в 1914–1917 гг. заготовки и поставки составили 1399 млн пуд. [4, с. 248]. Факторами роста товарности сельского хозяйства стали резкое сокращение внутреннего потребления, рост налогов, увеличение норм доходности и более активное включение личных хозяйств колхозников в систему государственных заготовок и поставок. Отметим здесь и главную особенность введенного в декабре

1941 г. военного налога – подушный принцип построения в отличие от прежнего порядка исчисления, ориентированного на колхозный двор [4, с. 362].

В результате к концу войны доход крестьянской семьи, получаемый из общественного хозяйства, сократился в три раза (в 1940 г. этот показатель достигал 40 % совокупного дохода). Оплата по трудодням в расчете на душу населения за один день сократилась с 350 в 1940 г. до 190 г. в 1945 г., картофеля – с 330 г. до 70 г. соответственно [4, с. 357]. В то же время на строительство боевой техники крестьянство внесло не менее 12 млрд руб., взносы по подписке военных займов составили более 30 млрд руб. [4, с. 363].

Обобщенный портрет колхозной деревни образца 1945 г. дает нам сложную картину адаптации и мобилизационных программ, и сельскохозяйственных артелей к экстремальным практикам военной действительности. Так, по итогам хозяйственной деятельности колхозов за 1945 г. зафиксировано уменьшение общей численности колхозов вследствие объединения мелких колхозов в ряде областей преимущественно в 1941 г.: с 234,6 тыс. в 1940 г. до 219,3 тыс. в 1945 г., или на 6,4 %. Укрупнение колхозов проходило в лучших традициях эпохи коллективизации «нередко с нарушениями принципа добровольности, методами администрирования и без учета хозяйственной целесообразности». Иногда объединялось сразу 4–5 колхозов в один, что вряд ли обеспечивало стремительный рост валовой продукции и, в конечном итоге, вызвало обратную организационную перестройку и отмену принятых решений [8, л. 1, 2].

Существенный урон был нанесен войной трудовым ресурсам деревни. Так, за 1940–1945 гг. в целом по СССР число наличных дворов уменьшилось на 3,8 %, наличного населения – на 15 %, а трудоспособного – на 32,5 %, или на одну треть. Удельный вес женщин, подростков и пожилых колхозников увеличился с 66,7 % в 1940 г. до 85,3 % в 1945 г. В то же время количество трудоспособных мужчин уменьшилось почти в три раза [8, л. 3].

На 23,5 % сократилось количество начисленных трудодней (затраты труда) (в 1940 г. – 9,3 млрд, а в 1945 г. – 7,06). Обычной практикой стало снижение норм выработки и повышение сдельных расценок.

Статистические данные свидетельствуют о сокращении выработки трудодней трудоспособными мужчинами с 326 в 1940 г. до 318 в 1945 г. и, напротив, об увеличении трудовой активности женщин: с 198 до 229 трудодней (среднее количество трудодней также сократилось с 257 до 250). Свыше 14 % колхозников не выполняло обязательного минимума трудодней, 1,2 % вообще не принимали участие в общественных работах. В некоторых регионах каждый четвертый колхозник не выполнял трудового минимума, и этот показатель за годы войны лишь увеличился. Так, в Мордовской АССР в 1940 г. не выработало минимума трудодней 27 %, а в 1945 г. – 30 % взрослых трудоспособных членов артели [8, л. 4–7].

По мере уменьшения выдачи по трудодням колхозы перестали рассматриваться крестьянами даже в качестве минимального источника дохода. Как отмечали представители Наркомзема, посетившие в 1945 г. ряд регионов с проверками, «во многих случаях колхозники перестали работать в общественном хозяйстве или же работают для вида, чтобы пользоваться правами колхозников, сохранять приусадебные участки и льготы. Многие незаконно расширяют приусадебные участки, раздувают личное хозяйство до таких

размеров, что оно превращается в основной источник дохода колхозников в ущерб общественному хозяйству колхоза». В Куйбышевской области, по данным бюджетных обследований, установлено, что затраты труда колхозников на общественном хозяйстве составляют не более 37–40 % рабочего времени всех членов семьи, остальное время используется на работы в личном хозяйстве [8, л. 7].

Существенно возросла роль ручного труда, «даже на таких работах, как подготовка почвы к посеву, некоторых транспортных работах (подвозка удобрений, скирдование и пр.)» [8, л. 4]. В то же время резко снизился уровень механизации колхозного производства: количество грузовых автомашин в колхозах уменьшилось в 20 раз с 104,3 тыс. в 1940 г. до 5,2 тыс. в 1946 г., тракторов – с 4,6 до 1,9 тыс. соответственно. Ввиду чрезмерной нагрузки и сокращения кормовой базы происходит уменьшение и живого тягла в колхозах. В 8,7 % (19,1 тыс.) колхозов количество рабочего скота не превышало 1–5 голов, 6–10 голов имели 38,4 тыс., или 15,4 %, колхозов, 11–15 – 33,6, или 15,4 %, соответственно [8, л. 9].

Почти на треть сократились посевные площади с 117,5 млн га в 1940 г. до 83,8 в 1945 г. и до 83,5 в 1946 г. [8, л. 11]. Валовые объемы сданного и проданного зерна и бобовых культур в 1941 г. уменьшились более чем в два раза по сравнению с 1940 г. и не были восстановлены и в 1946 г. Максимальное сокращение поставок государству приходится на 1943 г. [8, л. 12].

Приведенные факты свидетельствуют о пределах использования мобилизационной модели применительно к аграрному сектору экономики. Чрезвычайные условия военного лихолетья потребовали колоссального напряжения сил и концентрации ресурсов, но в итоге мобилизационные усилия обернулись деградацией хозяйственного потенциала советской деревни.

Для выхода из критической ситуации из арсенала компенсационных средств кризисного менеджмента советское руководство вновь извлекает использование рыночных элементов, сделав ключевую ставку на индивидуальную сдельщину и материальную заинтересованность колхозников. В последующие годы в купе с административными кампаниями по организационному укреплению колхозов это позволило добиться относительной стабилизации аграрного сектора экономики.

Библиографический список

1. **Черемисинов, Г. А.** Столетие мобилизационного развития российской экономики / Г. А. Черемисинов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. – 2017. – Т. 17, вып. 4. – С. 368–389.
2. **Мау, В.** Модернизация и российская экономика: три столетия догоняющего развития / В. Мау, Т. Дробышевская // Экономика России. Оксфордский сборник : в 2 кн. / под ред. М. Алексеева, Ш. Вебера. – Москва, 2015. – Кн. I. – С. 69–100.
3. **Кондрашин, В. В.** Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны / В. В. Кондрашин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2005. – Т. 7, № 2. – С. 289–300.
4. История крестьянства СССР. История советского крестьянства. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945) : в 5 т. – Москва : Наука, 1987. – Т. 3. – 447 с.
5. **Ульянов, Л. Н.** Сельское хозяйство и крестьянство Сибири к концу Великой Отечественной войны / Л. Н. Ульянов // Вопросы истории. – 1976. – № 8. – С. 26–38.

6. Правда. – 1943. – 25 ноября.
7. Правда. – 1943. – 29 ноября.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 327.
9. Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953 / сост.: Х. Кесслер, Г. Е. Корнилов. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 912 с.
10. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 215.
11. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 170.
12. Важнейшие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) по сельскому хозяйству за 1942–1944 годы. – Москва : Сельхозгиз, 1944. – 235 с.
13. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 218.

References

1. **Черемисинов, Г. А.** Столетие мобилизационного развития российской экономики / Г. А. Черемисинов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. – 2017. – Т. 17, вып. 4. – С. 368–389.
2. **Мау, В.** Модернизация и российская экономика: три столетия догоняющего развития / В. Мау, Т. Дробышевская // Экономика России. Оксфордский сборник / под ред. М. Алексеева, Ш. Вебера. – Москва, 2015. – Кн. I. – С. 69–100.
3. **Кондрашин, В. В.** Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны / В. В. Кондрашин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2005. – Т. 7, № 2. – С. 289–300.
4. История крестьянства СССР. История советского крестьянства. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945) : в 5 т. – Москва : Наука, 1987. – Т. 3. – 447 с.
5. **Ульянов, Л. Н.** Сельское хозяйство и крестьянство Сибири к концу Великой Отечественной войны / Л. Н. Ульянов // Вопросы истории. – 1976. – № 8. – С. 26–38.
6. Правда. – 1943. – 25 ноября.
7. Правда. – 1943. – 29 ноября.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 327.
9. Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953 / сост.: Х. Кесслер, Г. Е. Корнилов. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 912 с.
10. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 215.
11. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 170.
12. Важнейшие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) по сельскому хозяйству за 1942–1944 годы. – Москва : Сельхозгиз, 1944. – 235 с.
13. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 218.

Сухова Ольга Александровна

доктор исторических наук, профессор,
декан историко-филологического
факультета, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Dean of the Faculty of History and Lan-
guages, Penza State University (40 Kras-
naya street, Penza, Russia)

E-mail: savtemp@yandex.ru

Ягов Олег Васильевич

доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России и методики
преподавания истории, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Doctor of historical sciences, professor,
department of Russian history and history
teaching technique, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: yagovdom@mail.ru

Образец цитирования:

Сухова, О. А. Мобилизационная экономика и колхозная система в СССР в 1944 – начале 1945 г. / О. А. Сухова, О. В. Ягов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 0–0. – DOI